

ББК63.3(2)622-284.3

Л. А. Болокина

ЖЕНЩИНЫ ОККУПИРОВАННЫХ РАЙОНОВ КАЛИНИНСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Рассматриваются виды женского поведения на части территории Калининской области, занятой немцами в 1941—1944 гг. Автор показывает реакцию населения на приход оккупантов, участие женщин в движении Сопротивления, проявления различных форм коллаборационизма в регионе. Публикация основана на анализе мемуарных материалов и архивных документов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калининская область, коллаборационизм, оккупация, партизанское движение.

L. A. Bolokina. The women of the occupied Kalinin region territory during the Great Patriotic War

The article analyzes the modes of women's behavior in the territory of Kalinin region occupied by the Germans in 1941—1944. The article is based on the analysis of reminiscences of the war and official records. The records of Tver documentation centre of modern and contemporary history as well as archives of the Federal Security Service containing little-known peculiarities of the citizens' life during occupation are used. The author reveals the public reaction to the invasion, the women's participation in the resistance movement. Analyzing the women's role in the partisan movement the author underlines difficulties in their adaptation to the life in partisan units. The article shows that there were all forms of collaboration (from political to everyday) on the occupied territory of Kalinin Region. The most common reasons for collaboration were the wish to survive and even make profit as well as fear of relatives. The author observes different forms of relationship between local community and the Germans who settled in their houses and flats. The occupants often acted aggressively but in some cases they showed kindness, for example, to children. The article pays special attention to the consideration of irregular situations with the women in occupation with evidence provided. The author draws a conclusion that most of the women on the occupied territory of Kalinin Region had to collaborate some way or other with the representatives of the occupation authorities and asks to be careful at the assessment of their behavior.

Key words: Great Patriotic War, Kalinin region, collaboration, occupation, partisan movement.

Женщина в российском обществе. 2015. № 2 (75). С. 28—36

© Болокина Л. А., 2015

Болокина Любовь Александровна — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политологии, Тверской государственной технической университет, г. Тверь, Россия, bolokinal@mail.ru (Cand. Sc., Associate Professor at the Department of History and Political Science, Tver' State Technical University, Tver', Russia).

Тема повседневной жизни населения оккупированных в годы Великой Отечественной войны территорий СССР была фактически запретной для советской историографии. Только в некоторых трудах, в основном посвященных партизанскому движению, можно найти скудные сведения о реалиях каждодневного существования жителей районов, занятых противником [Залесский, 1970]. Поэтому современные исследователи проявляют пристальное внимание к изучению мотивов поведения, видам поведенческих реакций жителей оккупированной зоны, возникновению и развитию движения Сопротивления, формам взаимоотношений населения с оккупантами [Безугольный и др., 2012; Веригин, 2009; Ермолов, 2010; Ковалёв, 2011; Малышева, 2011]. Именно эти вопросы рассматриваются в данной статье на примере жизненных перипетий женщин, проживавших в Калининской области, на территории которой войска вермахта появились уже в начале июля 1941 г., а через три месяца более половины районов оказались оккупированными. Дольше всего власть фашистов сохранялась в западных районах области, которые были освобождены советскими войсками летом 1944 г.

В момент приближения врага большинство калининцев, оставшихся на прежних местах жительства, находились в крайне подавленном настроении. Люди испытывали ежедневный страх перед будущим, некоторые убегали в леса, другие забирались в подвалы, прятались за печками — в надежде, что немцы не сразу их обнаружат [Кац, 1997: 48]. Местами жители, просидев в убежищах несколько дней, вынуждены были выходить из-за голода, т. к. запаса продуктов сделать не смогли или не догадались. В источниках сохранился рассказ женщины, проживавшей в Калининe, но оказавшейся в день прихода немцев в деревне на расстоянии 30 км от областного центра. 21 октября оккупанты вошли в деревню, а большинство односельчан ушли в убежище неподалеку. Три дня людям пришлось обходиться почти без пищи, и лишь одна из селянок осмеливалась возвращаться в свой дом, чтобы сварить в печке картошку и принести остальным, поскольку разместившийся в ее жилище немец позволял это [Нам выпало на долю... , 2005: 141, 142]. Через три дня немецкий часовой велел всем покинуть убежище и идти «куда хотят», объяснив, что скоро тут будут бои. Часть жителей ушла, но сильно ослабленные физически остались. Отправившимся в путь разместиться в других населенных пунктах не удалось, питаться было нечем, и беженцы стали обращаться к немцам, предлагая помощь на кухне, за что получали продукты, позволившие им выжить.

Буквально с первого дня прихода фашистов на оккупированной территории возникли различные формы сопротивления новой власти. Они выражались, например, в отказах выполнять немецкие указания, отдавать свои вещи, выходить на работу. За подобное поведение немалое число людей заплатили жизнью. Жительница Западнодвинского района А. Антипова вспоминает, как в сентябре 1941 г. в их местности появились немцы. Девушки под видом походов в лес или к реке носили попавшим в окружение красноармейцам еду, делая это буквально под носом у немцев. Она признается: «Может, даже перебарщивали мы, девчата, в этой смелости. Словно сами себе хотели доказать: что же, мы не согнулись» [там же: 166]. Верность Советскому государству в условиях оккупации могла проявляться, например, в сохранении партийных билетов и других документов, литературы, иных символов советского строя [ТЦДНИ, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 85 об.].

С июля 1941 г. областные партийные структуры и органы НКВД занимались организацией борьбы с противником в немецком тылу. Работа заключалась прежде всего в подготовке кадрового состава, партизанских баз, явочных квартир. Партизанские и подпольные структуры комплектовались в основном за счет партийно-хозяйственного и комсомольского актива, но также из беспартийных. В составе партизанских отрядов, подпольных партийных ячеек и диверсионно-разведывательных групп было немало женщин.

Люди, выбравшие путь борьбы с врагом, руководствовались в первую очередь стремлением защитить свою Родину. Но если представители старшего поколения стремились отстоять Отечество от врага без оглядки на режим, которым многие были недовольны, то у молодежи патриотизм основывался, как правило, на верности идеалам и ценностям, привитым за годы советской власти, воспитавшей их. Участница партизанского движения К. Тяпина описывает, как в момент проводов в отряд она запела песню «Дан приказ — ему на запад». Слова соответствовали обстановке и настроению собравшихся людей, воодушевляли их. Вспоминались события Гражданской войны, прославлявшиеся в 1920—30-х гг., а судьбы комсомольцев сравнивались с подвигами защитников революции [Тяпина, 1997: 8].

Сильным мотивом при выборе собственной линии поведения было желание мстить, появившееся сразу после вторжения агрессора. Очень часто стремление самой, лично отомстить фашистам возникало после гибели близких. Молодая учительница из Себежского района Мария Натунич с первого дня войны просилась на фронт и среди причин своего решения называла то, что в Испании погиб ее старший брат, летчик: «У меня свои счета с фашистами» [Вспоминая былые походы... , 2001: 76]. Комсомолка Ина Константинова с самого начала военных действий хотела быть полезной Родине, но заявление в райвоенкомат с просьбой дать ей «любую работу, любое задание... только бы получить возможность бить немцев» написала, узнав о гибели любимого человека. В ожидании ответа она пишет в дневнике о желании отомстить за свое разбитое счастье [Девушка из Кашина, 1974: 70].

Идея мести активно использовалась властью в пропагандистских целях. Так, часть будущих партизан и подпольщиков из разных районов области перед отправкой на первые задания посещали места, где вела антифашистскую агитацию и погибла от рук оккупантов комсомолка Лиза Чайкина, чье имя стало широко известно [Вспоминая былые походы... , 2001: 114]. Эти поездки производили неизгладимое впечатление на молодых людей. Позднее приходили другие девушки и просились в партизанские отряды, объясняя свой выбор желанием походить на Лизу и мстить за нее [Наша Чайка, 1976: 99]. К. Тяпина тоже знала о трагической смерти Лизы, когда в марте 1942 г. в райкоме комсомола у нее и других активистов спросили, готовы ли они пойти в немецкий тыл. Из двадцати человек тогда сразу согласились десять, что немало, если представить степень опасности такого рода деятельности [Тяпина, 1997: 7]. В мемуарах участников Сопротивления есть упоминания о существовании на территории Калининской области женского партизанского отряда, члены которого называли себя «сестры Чайки» и заявляли в листовках, что мстят за Лизу [Борисов, 1980: 123]. Огромное воздействие на сознание людей оказывали

разрушенные дома, улицы, деревни, мосты на родной земле. Слово «мстить» чаще появляется в дневнике И. Константиновой, когда она, побывав в только что освобожденном Калининe, находившемся два месяца под властью немцев, пишет о своих впечатлениях: «Как сильно разбит город! Почти ни одного дома не осталось без повреждений. Какой ужас! И за это мы должны мстить им!» Позднее, находясь среди партизан, в одном из писем родным Ина, сообщая о гибели друзей из своей бригады, добавляет: «С какой жуткой ненавистью я буду мстить врагам!» [Девушка из Кашина, 1974: 102].

Жизнь партизанки или подпольщицы предъявляла к девушкам очень высокие требования, соответствовать которым было сложно. В самом начале абсолютно всем участникам Сопротивления не хватало опыта, но думается, что тяжелее всего он давался молодым женщинам. В источниках имеются сведения о печальной судьбе девушек-партизанок Лидии Сидоренко и Ольги Стибель, под видом заплутавших беженок собиравших информацию и распространявших листовки. Попав в родной город Андреаполь, Лида не смогла побороть естественного желания повидать и успокоить мать. Но это стоило жизни четверым: немцы расправились не только с партизанками, но и с матерью и сестрой Лиды. Выдал девушек мужчина, живший с женой и пятью детьми по соседству. Позже он был расстрелян партизанами [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 66, 169, 170, 174].

Присутствие в отрядах женщин оборачивалось и определенными преимуществами. Известно, что обеспечить взаимодействие с местным населением было жизненно важно для партизан. Отношения налаживались гораздо быстрее, если в отряде были местные, знавшие людей, умевшие договариваться и пользовавшиеся авторитетом. Этим требованиям соответствовала Мария Натунич, вернувшаяся в 1942 г. из эвакуации в родной Себежский район, чтобы присоединиться к партизанам. Односельчане знали ее по работе в школе, относились к ней хорошо, верили, когда Мария сообщала последние данные с фронта, читала советские газеты. Доверие к ней подтвердилось в следующей ситуации. В конце 1942 г. в одной из деревень староста зачитал жителям немецкий приказ о сдаче продуктов, открыто спросив людей, что следует делать. Оказавшаяся там Мария вышла вперед и напомнила, что именно в эти дни под Сталинградом отцы, братья, сыновья сражаются ради будущей победы. После ее вопроса о том, можно ли, зная это, собирать что-то для немцев, теплые вещи и продукты были отданы партизанам [Вспоминая былые походы... , 1976: 80].

Партизаны, как правило, испытывали трудности с медикаментами, которые присылались из-за линии фронта в недостаточных количествах, а добыть лекарства у немцев удавалось не всегда. По причине плохого питания и нехватки витаминов зимой 1942—1943 гг. среди калининских партизан наблюдались случаи куриной слепоты, цинги, сыпного тифа [Шла война народная... , 2000: 15, 16, 36]. В подобных обстоятельствах бойцы 2-й Калининской партизанской бригады с благодарностью отмечали изобретательность своего фельдшера Юлии, которая, например, в борьбе с чесоткой за неимением серы успешно применяла тол, а также деготь, дубовую кору, ягоды можжевельника, хвойный отвар и многое другое, помогая больным [ТЦДНИ, ф. 479, оп. 2, д. 105, л. 18, 18 об.].

Именно женщины часто проявляли инициативу и находили доступные развлечения, например совместное пение и пляски. Среди песен чаще выбирали

«Интернационал», «Из-за острова на стрежень», «Гренаду», «Синий платочек». В более просторных землянках иногда устраивались своеобразные клубы, где собирались между заданиями, встречали праздники. В условиях жизни в лесу, в отсутствие элементарных бытовых удобств, порой нехватки продуктов, теплой одежды и обуви, под давлением постоянного напряжения, опасности и усталости, когда избежать конфликтных ситуаций и поддерживать дисциплину оказывалось непросто, мимолетный отдых был необходим, а от песен «оттаивали сердца» [Вараксов, 1982: 21, 121]. Бывшая партизанская разведчица Н. К. Бойдина свидетельствует, что разрядка в виде танцев, песен в отрядах была «нужна как воздух», ведь война требовала «невероятных физических и душевных сил» [Вспоминая былые походы... , 2001: 49].

Силу воли, терпение и выдержку должны были проявить в условиях оккупации не только партизанки, но и все остальные женщины. На их внимание была рассчитана часть усилий нацистских пропагандистов. Для женщин, рывших окопы накануне захвата Калинина, с самолетов сбрасывали листовки с несколько игривым текстом: «Дамочки, не копайте ваши ямочки, приедут наши таночки, закопают ваши ямочки» [Кац, 1997: 10]. Полушутливый тон должен был настроить людей на более лояльное отношение к наступавшим, а указание точной даты вступления немецких войск в областной центр, которая позже подтвердилась, могло некоторых убедить в том, что планы немцев выполняются с максимальной точностью. Формированию позитивного образа немецкого солдата — аккуратного, вежливого, образованного — особенно много внимания уделялось нацистами в начале оккупации. С помощью листовок, слухов, радиопередач до жительниц области старались донести мысль, что в Германии положение женщин несравненно лучше, а замужние дамы, например, занимаются исключительно семьей [ГЦДНИ, ф. 7849, д. 25732-с, л. 8]. Нередко собственным поведением немцы стремились подкрепить имевшееся у части советских граждан до войны мнение об их воспитанности и продемонстрировать высокий уровень культуры. Данную особенность знали и порой пытались использовать в своих интересах калининцы. Участница партизанского движения вспоминает, как однажды девушка-партизанка наткнулась на немецкого офицера и попала в опасное положение. Встретив грубое обращение со стороны переводчика, она сконцентрировала внимание на этом факте и стала обращаться к офицеру, всем своим видом давая понять, что ищет у него защиту от хамства как у более обходительного и культурного [Тяпина, 1997: 50]. Иногда такой прием срабатывал, и в мемуарах описан ряд подобных случаев. Например, когда другая девушка попала в схожую ситуацию, только в роли опасного человека оказался следивший за ней полицай, она кинулась к немецкому офицеру, закричав на его родном языке, чтобы он защитил ее «от хама». Цель была достигнута: офицер обозвал полицая русской свиньей и даже дал ему пощечину [Вспоминая былые походы... , 2001: 81]. Убедившись в демонстративном стремлении оккупантов карать за преступления, особенно за неповиновение властям и воровство, жительницы занятых районов иногда обращались к ним за защитой от мародеров [ГЦДНИ, ф. 7849, д. 3238-с; д. 25732-с, л. 28].

Во время отступления фашисты намного чаще проявляли жестокость, доходящую до зверства. Так, в Зубцовском районе «большинство немцев принуждало

или склоняло женщин и девушек сожительствовать с ними. Заражая венерическими болезнями, потом сваливали вину на них и расстреливали». В Калининском районе женщину, пытавшуюся защитить свою дочь от изнасилования, убил немецкий солдат, и некоторое время ее труп лежал в помойной яме. В Бурашевском сельсовете того же района немцы зажгли деревню и бросили в огонь живыми трех старух за то, что они упрашивали не жечь их дома: ведь остаться зимой без жилья грозило верной смертью [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 61, 61 об., 131].

В зоне оккупации присутствовали все виды коллаборационизма — от политического до бытового, в которых участвовала и женская часть населения. Причины этого явления названы исследователями и сводятся в основном к страху, корысти, желанию улучшить свое положение при новой власти, опасениям за жизнь близких, стремлению выжить в экстремальной ситуации; гораздо реже дело было в идейном неприятии советского строя. Все перечисленные мотивы проявились на территории Калининской области. Так, добровольно попросилась на работу бывшая судья Центрального района Калинина и, выполнив указание властей предоставить информацию об устройстве советских судебных органов, получила рекомендацию для трудоустройства на должность судьи при немцах [ТЦДНИ, ф. 147, оп. 3, д. 345, л. 229; ф. 7849, д. 27901-с]. В Старицком районе работу льнозавода при оккупантах организовывала бывший заместитель директора завода, член бюро Старицкого РК ВЛКСМ, позже уехавшая с немцами. С рабочими она обходилась бесцеремонно, перед отъездом участвовала в уничтожении завода [там же, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 20]. Некоторые члены и кандидаты в члены партии и комсомола, которым было поручено заниматься организацией партизанского движения, вместо этого выдали базы фашистам, как это сделала заведующая детскими яслями из Осташковского района [там же, ф. 432, оп. 3, д. 15, л. 1, 6].

Однако не всегда даже работа в административных структурах при оккупантах была добровольной. Например, зафиксированы факты службы женщин в полиции, видимо не по собственной воле [там же, ф. 7849, д. 30385-с]. В воспоминаниях описан случай, когда старостой в деревне немцы назначили 19-летнюю девушку (за неимением более подходящих кандидатур). Под воздействием угроз она согласилась. После девушка помогала партизанам: прятала оружие, укрывала бойцов, скрывала от немцев продукты [Борисов, 1980: 173]. Стремление оккупантов привлечь к сотрудничеству этнических немцев приводило к тому, что судьбы этих людей оказывались трагичными. Далеко не все из них сами изъявляли желание сотрудничать, однако многим пришлось согласиться под страхом расправы. В подобной ситуации оказалась 61-летняя немка, заведующая детским садом в Калининне. Приближение фронта заставило ее уйти из города в окрестную деревню, но туда также явились немцы, и женщина вернулась в свой дом. 23 ноября 1941 г. к ней пришел немецкий солдат и приказал явиться в комендатуру. Две недели, с первого по тринадцатое декабря, женщине пришлось работать переводчицей, а в качестве дополнительной обязанности разбирать жалобы от населения. После ухода немцев доказать советской власти свою непричастность к преступным деяниям оказалось невозможно, и она была расстреляна [ТЦДНИ, ф. 7849, д. 27901-с].

Сами женщины обращались в органы оккупационных властей по разным поводам, о которых дают представление следующие примеры. В Луковниковском

районе 48-летняя женщина выдала 17-летнего парня, хранившего 4 винтовки, за что немцы поставили крест и ограду на могиле ее мужа [АУ ФСБТО, ф. 2, оп. 150, д. 21, л. 42]. В Калининке к коменданту одного из домов поступило заявление от женщины, имеющей 5 детей, проживавшей до войны «в темном сыром подвале», с просьбой позволить ей и далее жить в квартире, куда ее семья въехала после эвакуации хозяев. В данном помещении ранее проживали работники НКВД, и в заявлении автор указывает их фамилии. Ордер ей был выдан [там же, д. 13а, л. 90]. В Погорельском районе зимой 1941 г. со двора женщины, у которой было 7 детей, немцы взяли корову на мясо. Крестьянка пошла к старосте и со слезами напомнила, что в деревне есть семьи всего из двух человек, после чего забрали корову у одного из названных семейств, вернув заявительнице [ТЦДНИ, ф. 7849, д. 31218-с, л. 13 об.].

На оккупированных территориях была введена всеобщая трудовая повинность, и население выполняло оборонные, дорожные, сельскохозяйственные, лесозаготовительные и иные работы. Женщинам, кроме того, приходилось готовить на кухнях, стирать белье, мыть полы, шить и ремонтировать одежду.

Часть молодых женщин участвовала в развлекательных мероприятиях оккупантов — танцах, вечеринках, празднованиях Рождества, Нового года, исполняя номера художественной самодеятельности [там же, ф. 432, оп. 3, д. 15, л. 7; ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 297, 298; ф. 7849, д. 13194-с, л. 5]. Некоторые принимали ухаживания военнослужащих вермахта, получая от них в качестве подарков продукты, шоколад, украшения, часы, иные вещи или деньги [там же, ф. 83, оп. 2, д. 1883; ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 315]. В Высоковском, Луковниковском, Идрицком и других районах были случаи вступления в официальные браки с немцами, а при отступлении часть этих женщин уехали вместе со своими мужьями [там же, ф. 434, оп. 2, д. 23, л. 22; д. 60, л. 31].

В домах и квартирах, где калининцы вынуждены были сосуществовать вместе с вселившимися немцами, взаимоотношения между ними развивались по-разному. Часто оккупанты вели себя грубо и агрессивно, забирали продукты, вещи, заставляли выполнять различные распоряжения. Слабым утешением для жителей было то, что в квартиры, на дверях которых висела табличка с немецкой фамилией, реже врываются полицейские и представители других служб. Нередко хозяевам приходилось покидать свои жилища, в лучшем случае подселаясь к соседям.

Случалось и так, что немцы вели себя вежливо, расплачивались за помощь по хозяйству хлебом, конфетами, сигаретами и даже вступаясь за хозяев перед представителями властей [там же, ф. 7849, д. 25578-с, л. 13, 15]. Известные факты подобного отношения к жителям показывают, что чаще немцы проявляли жалость к детям и их матерям. В воспоминаниях жительницы Ржевского района есть рассказ о том, как живший в их доме врач обратил внимание на плач ее новорожденной дочери, которую беспокоила пупковая грыжа. Установив причину беспокойства ребенка, он предложил помощь, и, хотя инструментов для операции не нашлось, в течение 6 недель вылечил девочку [Никто не создан для войны... , 2005: 61, 62].

В воспоминаниях сохранился любопытный эпизод. В доме жительницы Калинина по имени Анна разместился немецкий военнослужащий, который,

имея подозрение, что отступление из города близко, собрал свои вещи, взяв и приглянувшийся самовар хозяйки. Женщина не захотела расстаться с семейной ценностью, и какое-то время они тянули самовар за ручки в разные стороны. В результате вещь осталась в доме, а немец с ругательствами ушел, не причинив вреда хозяйке. (Возможно, очень торопился или был удивлен столь решительным отпором, хотя ясно, что мог быстро расправиться с женщиной.) Более того, через некоторое время он вернулся к ней жить, причем с гостинцами в знак примирения, и оставался на квартире до момента ухода захватчиков из города*.

В заключение хочется отметить, что изучение разнообразных источников, часть которых была недоступна историкам ранее, значительно обогащает наши знания о повседневной жизни населения в оккупированных немецкими войсками районах. Большинство этих людей составляли женщины, и знакомство с новыми подробностями их существования в условиях оккупации, которое почти всегда напоминало борьбу за завтрашний день, приводит к неизменному выводу о тяжелейшем выборе, выпавшем на их долю. Подавляющая часть женщин не имела возможности полностью уклониться от взаимодействий с оккупационными властями, поэтому любая попытка дать оценку их поведению должна быть исключительно взвешенной и осторожной.

Библиографический список

- АУ ФСБТО (Архив управления ФСБ РФ по Тверской области).
Безугольный А. Ю., Бугай Н. Ф., Кринко Е. Ф. Горцы Северного Кавказа в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.: проблемы истории, историографии и источниковедения. М.: Центрполиграф, 2012. 479 с.
Борисов И. С. Покуда сердце бьется. М.: Моск. рабочий, 1980. 192 с.
Вараксов Н. М. Дымные зори. Калинин: Моск. рабочий, 1982. 144 с.
Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний: политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939—1945 гг. Петрозаводск: ПетрГУ, 2009. 544 с.
Вспоминая былые походы... : очерки, рассказы, воспоминания бывших партизан / ред. К. И. Тяпина. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2001. 128 с.
Девушка из Кашина: дневник и письма Ины Константиновой ; воспоминания и очерки о ней / под ред. Г. Астафьева. М.: Моск. рабочий, 1974. 160 с.
Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками, 1941—1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.
Залесский А. И. Героический подвиг миллионов в тылу врага. Помощь населения партизанских зон народным мстителям. Минск: Беларусь, 1970. 183 с.
Кац Г. Первый шаг к Берлину: документальная повесть. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1997. 128 с.
Ковалёв Б. Н. Повседневная жизнь населения в период нацистской оккупации. М.: Мол. гвардия, 2011. 619 с.
Мальшичева Е. М. Во имя Отечества. Патриотизм народа в 1941—1945 гг. М.: Вече, 2011. 492 с.
Нам выпало на долю... Война в письмах, дневниках, воспоминаниях: сборник документов и материалов / под ред. Д. А. Ефремова. Тверь: Лилия Принт, 2005. 304 с.
Наша Чайка: сборник. М.: Моск. рабочий, 1976. 168 с.

* Личный архив автора.

- Никто не создан для войны... : сборник воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны / под ред. О. К. Ермишкиной. Тверь: Тип. Ушакова, 2005. 100 с.
- ТЦДНИ (Тверской центр документации новой и новейшей истории).
- Тяпина К. И. На той войне... Записки партизанской разведчицы. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 1997. 144 с.
- Шла война народная... : очерки, воспоминания, повествующие о мужестве и стойкости калининских партизан в годы Великой Отечественной войны / ред. К. И. Тяпина. Тверь: Твер. обл. кн.-журн. изд-во, 2000. 128 с.

References

- Astaf'ev, G. (ed.) (1974) *Devushka iz Kashina: Dnevnik i pis'ma Iny Konstantinovoï. Vospominaniia i ocherki o neï* [The girl from Kashin: The diary and letters of Inna Konstantinova. The recollections and essays about her], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Bezugol'nyi, A. Iu., Bugay, N. F., Krinko, E. F. (2012) *Gortsy Severnogo Kavkaza v Velikoï Otechestvennoï voïne 1941—1945 gg.: problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniia* [The dwellers of the North Caucasus at the Great Patriotic War 1941—1945: the issues of history, historiography and source study], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Borisov, I. S. (1980) *Pokuda serdtse b'etsia* [As long as the heart beats], Moscow: Moskovskii rabochii.
- Efremov, D. A. (ed.) (2005) *Nam vypalo na doliu... Voïna v pis'makh, dnevnikakh, vospominaniakh* [It fell to our lot... The war in letters, diaries and recollections], Tver': Liliia Print.
- Ermishkina, O. K. (ed.) (2005) *Nikto ne sozdan dlia voïny... Sbornik vospominaniï ochevidtsev Velikoï Otechestvennoï voïny* [Nobody is meant for war... The collection of war witnesses' memoirs], Tver': Tipografiia Ushakova.
- Ermolov, I. G. (2010) *Tri goda bez Stalina. Okkupatsiia: sovetskie grazhdane mezhdunarodnykh natsistami i bol'shevikami, 1941—1944* [Three years without Stalin. Occupation: soviet citizens between Nazis and Bolsheviks, 1941—1944], Moscow: Tsentrpoligraf.
- Kats, G. (1997) *Pervii shag k Berlinu: Dokumental'naia povest'* [The first step to Berlin: The documentary], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Koval'ev, B. N. (2011) *Povsednevnaia zhizn' naseleniia v period natsistskoï okkupatsii* [Everyday life of the population during Nazi occupation], Moscow: Molodaia gvardiia.
- Malysheva, E. M. (2011) *Vo imia Otechestva. Patriotizm naroda v 1941—1945 gg.* [For the sake of Motherland. Public spirit in 1941—1945], Moscow: Veche.
- Tiapina, K. I. (1997) *Na toï voïne... Zapiski partizanskoï razvedchitsy* [At that war. The notes of a partisan scout], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Tiapina, K. I. (ed.) (2000) *Shla voïna narodnaia...* [The war of the people went on...], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Tiapina, K. I. (ed.) (2001) *Vspominaia bylye pokhody: Ocherki, rasskazy, vospominaniia byvshekh partizan* [Looking back at by-gone military campaigns: Essays, narrations, recollections of former partisans], Tver': Tverskoe oblastnoe knizhno-zhurnal'noe izdatel'stvo.
- Varaksov, N. M. (1982) *Dymnye zori* [The smoky dawns], Kalinin: Moskovskii rabochii.
- Verigin, S. G. (2009) *Kareliia vo vremia voennykh ispytaniï: Politicheskoe i sotsial'no-ekonomicheskoe polozhenie Sovetskoï Karelii v period Vtoroï mirovoï voïny 1939—1945 gg.* [Karelia in the years of war: Political and socio-economic situation in Soviet Karelia during the II World War], Petrozavodsk: PetrGU.
- Zal'skii, A. I. (1970) *Geroicheskiï podvig millionov v tylu vraga. Pomoshch naseleniia partizanskikh zon narodnym mstiteliam* [Heroic exploits of millions of people in the enemy's rear. The aid of civil population from partisan areas to law and order avengers], Minsk: Belarus.